

Н. С. Алексеева

Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды

**Типология нарративной модели «текст в тексте»
в романах М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и У. Фолкнера «Притча»**

Алексеева Н. С. Типология нарративной модели «текст в тексте» в романах М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и У. Фолкнера «Притча». У статті йдеться про типологічні збіги у творах М. Булгакова «Мастер і Маргарита» і У. Фолкнера «Притча», а саме про типологію нарративної моделі «текст в тексті». Показано, що зовнішні тексти обох романів мають публіцистичний характер. Щодо внутрішніх текстів, то у Булгакова такий текст має змістоутворюючий, ядерний потенціал, тоді як у Фолкнера він виконує комплементарну функцію, доповнюючи смисл, закладений у зовнішньому тексті. У роботі доведено, що як зовнішні, так і внутрішні тексти в обох творах об'єднані темою любові, що, на наш погляд, є художньою відповіддю на екзистенціальний характер і трагізм епохи ХХ-го століття.
Ключові слова: **нарація, модель «текст в тексті», внутрішній текст, зовнішній текст, типологія, екзистенціальний характер, алюзія.**

Алексеева Н. С. Типология нарративной модели «текст в тексте» в романах М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и У. Фолкнера «Притча». В статье речь идет о типологических соответствиях в романах М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и У. Фолкнера «Притча», а именно о типологии нарративной модели «текст в тексте». Показано, что внешние тексты обоих романов носят публицистический характер. Что касается внутренних текстов, то у Булгакова такой текст имеет смыслообразующий, ядерный потенциал, тогда как у Фолкнера он выполняет комплементарную функцию, дополняя смысл, заложенный во внешнем тексте. В работе показано, что как внутренние, так и внешние тексты обоих произведений объединены темой любви, что на наш взгляд, является художественным ответом на экзистенциальный характер и трагизм эпохи ХХ-го столетия.
Ключевые слова: **наррация, модель «текст в тексте», внутренний текст, внешний текст, типология, экзистенциальный характер, аллюзия.**

Aleksieieva N. S. The typology of the “text in the text” narrative model in the novels “The Master and Margarita” by M. Bulgakov and “A Fable” by W. Faulkner. The article goes about the typological correlations in M. Bulgakov’s “The Master and Margarita” and W. Faulkner’s “A Fable”, namely about the typology of the narrative model “text in the text”. It is argued, that the matrix (external) texts of both novels are of publicist character. As for the embedded (internal) texts, Bulgakov’s one has a sense-generating, nuclear potential, while in Faulkner this text fulfills the complementary function, contributing to the meaning of the external text. It is proved in the research that both texts in these novels incorporate the theme of love that, in our view, is the fictional response to the existential pattern and tragic character of the XXth century.
Key words: **narration, model “text in the text”, embedded text, matrix text, typology, existential pattern, allusion.**

Роман «Мастер и Маргарита» Булгакова и «Притча» Фолкнера принадлежат авторам разных культур со свойственными им ментальными особенностями, но, тем не менее, типологическое сходство этих произведений очевидно уже при их фронтальном прочтении. Это их притчевая основа, типология мотивной структуры, нарратологические приемы.

Одним из таких приемов является используемая Фолкнером и Булгаковым художественная модель «текст в тексте», когда один из персонажей основного повествования (или несколько персонажей) пишет или рассказывает свою собственную историю. Основной (внешний) текст, таким образом, является рамочным, а внутренний – встроенным. В современной литературе эта модель достаточно продуктивна, она может выполнять различные функции – сюжетообразующую, комплементарную, когда внутреннее повествование добавляет информацию к внешнему, отвлекающую – для заполнения

временных промежутков, ретардационную – для интенсификации атмосферы тревожного ожидания, и, наконец, функцию аналогии, когда встроенное повествование соответствует или противоречит основной линии наррации [3; 5; 6].

Согласно М. Лотману, между двумя текстами устанавливается отношение зеркальности, предполагающее наличие двойников. При этом двойники, и в целом двойничество, не являются полностью идентичным, поскольку «зеркало, удваивая, искажает, и этим обнажает то, что изображение, кажущееся естественным, – проекция, несущая в себе определенный язык моделирования» [3:157].

Исходя из сказанного, рассмотрим художественные особенности внешних и внутренних тестов в «Мастере и Маргарите» и «Притче». Как и подобает современной притче, в которой публицистический план необходим, внешние тексты обоих произведений изобилуют реалистическими историческими подробностями

исторического периода, описанного авторами.

Московский план Булгакова, как отмечает Лотман, «имеет бытовой характер, перегружен правдоподобными, знакомыми читателю деталями и продолжает прямое продолжение знакомой читателю современности» [3:158]. Подобное характерно и для внешнего текста Фолкнера, который представляет собой реалистическую, а иногда и натуралистическую, картину событий Первой мировой войны. Повествование изобилует подробностями военного быта, дислокации войск, отношений между военными чинами, удручающими пейзажами.

Внутренние тексты Булгакова и Фолкнера различаются по смысловому наполнению и способу репрезентации художественного мира. В «Мастере и Маргарите» ершалаимский текст обладает ирреальностью (Лотман), поскольку изначальным посылом является то, что Иисус никогда не существовал, а все рассказанное о нем имеет характер множественного повествования, – происходящее описывается Мастером в его книге о Пилате, снится Ивану Бездомному и рассказывается Воландом.

У Фолкнера внутренний текст имеет абсолютно реалистический характер. Первоначальная новелла «Конокрад» была сначала опубликована отдельно (1951), и только позже была интегрирована в «Притчу». В 1947 году Фолкнер в письме издателю описывал новеллу как вымышленную историю, которая происходит за несколько лет до начала войны с одним из солдат, который позже появится во внешнем тексте «Притчи», бывшего в то время (в 1912 году) грумом. Краткое содержание такого, что этот грум едет в Америку и встречает там темнокожего работника конюшни. Вместе они крадут у хозяина коня – скакуна исполина, после того, как тот ломает ногу во время крушения поезда, чтобы спасти его от незавидной участи грузовой лошади или самца-производителя, поскольку конь привык участвовать в бегах, и подобная участь была бы для него невыносимой. Они понимают, что конь будет чемпионом даже на трех ногах, и ему нужна свобода. К ним присоединяется пожилой негр- священник с мальчиком, и все они вместе идут по Америке, участвуя в скачках и побеждая, но не ради денег, а ради свободы. В конце концов их ловит полиция, но перед тем, как попасть в руки правосудия, грум убивает коня, лишив его тем самым жалкой участи раба. Остальных заключают в тюрьму, но под влиянием толпы, собравшейся у здания суда, адвокат вынужден отпустить заключенных. В романе история коня рассказана старым негром-священником, участником этого события.

При всем различии описываемых событий, и в целом семантики внешнего и внутреннего текстов у данных авторов, все они объединены одной

доминирующей темой – темой любви. Ф. Пастор в своей работе «Структура и смысл фолкнеровской “Притчи”» (единственной найденной нами монографии, посвященной этому произведению) отмечает, что «эпизод с лошадью функционирует как комментарий к основному действию, потому что оба рассказа – это *love story*, только в разном смысле» [7 : 211]. Лотман считает, что булгаковский смысл «рассказа в рассказе» представляется «восхождением от кривляющейся кажимости мнимо-реального мира к подлинной сущности мировой мистерии» [3:159]. Можно добавить, что сущностью этой мистерии, как и в «Притче», есть любовь.

Согласно классификации Р. Апресяна существует три типа любви, выделенных еще древними греками, – агапэ, эрос и филия. Агапэ – это мягкая, жертвенная любовь к ближнему, ко всему человечеству, в христианском понимании – к Богу. Эрос – любовь земная, страсть, в том числе к противоположному полу, это также любовь к идеалу. Филия означает привязанность и любовь к предмету дружбы. Как и эрос, филия спонтанна, но, в отличие от эроса, она является склонностью, рожденной душевным расположением, чувством близости и общности [1:28].

Внутренний текст «Мастера и Маргариты» – это история любви Иешуа к ближнему, любви нисходящей (Пастор), любви ко всему человечеству. Для Иешуа все люди добрые, злых людей на свете нет. И даже убийца-чудовище Марк Крысобой, по мнению Иешуа, тоже добрый, только несчастный, потому что добрые люди его изуродовали, и он стал жесток и черств. Это настоящая любовь агапе.

Внутренний текст Фолкнера презентует иной вид любви. По мнению Пастора, история с конем – это пример языческой, исключительно греческой любви к идеалу [7:212]. На наш взгляд, отношение грума к коню следует назвать скорее филией, чем эросом. Фолкнер повествует о том, что «между человеком (грумом) и животным установилось не только взаимопонимание, но и привязанность, идущая не от рассудка к рассудку, а от сердца к сердцу и от нутра к нутру, если этого человека не было рядом <...>, конь переставал быть не только скаковым конем, но и вообще лошадью, становился способным неизвестно на что...» [4]. Конь повиновался именно этому человеку, и поэтому богатый аргентинец купил коня вместе с грумом. Свою врожденную историю Фолкнер называет «легендой о любви». Именно любовь побуждает грума убить коня, чтобы избавить его от дальнейших мучений рабского существования. Любовь грума – любовь восходящая, она привязана к конкретному объекту, и в этом она эгоцентрична.

Вернемся к внешним текстам. Внешний текст Булгакова повествует о безграничной любви

Мастера и Маргариты. Это любовь эрос, она всеобъемлющая, ей присущ не только сексуальный компонент, но и восхищение предметом любви и преклонение перед ним. При этом любовь Маргариты инкорпорирует в себя элементы филии, ее любовь к Мастеру переходит на объект его творения, роман о Пилате, который для нее не менее ценен, чем ее возлюбленный. Способность Маргариты любить восходит также к агапэ – вселенской любви, это проявляется в ее отношении к ребенку во время полета над Москвой, в прощении грешников на балу у Сатаны, и в эпизоде прощания с Иваном Бездомным: «Маргарита подошла к постели. Она посмотрела на лежащего юношу, и в глазах ее читалась скорбь» [2:728]. Исследователи Булгакова видят в этом эпизоде сходство Маргариты со Скорбящей Божьей Матерью (Л. Уикс, 1996; А. Баррат, 1996). Здесь же Маргарита проявляет способность, присущую высшим, божественным созданиям: «...вот я вас поцелую в лоб, и все у вас будет как надо...» [2:729]. Именно Маргарита является воплощением всех трех видов любви. Мастер, по выражению Л. Уикс, – это «несовершенная жертва» [8], и любовь его, хотя и подобна эросу, несовершенна и лишена той силы, которая присуща Маргарите.

Внешний текст Фолкнера в плане любви агапэ коррелирует с внутренним текстом Булгакова. История Капрала (*Christ-figure*), который неизвестно откуда появляется со своими двенадцатью учениками, чтобы прекратить войну, соотносится с Легендой о Великом инквизиторе Ф. Достоевского, где Иисус приходит на землю в разгар злодейств инквизиции, чтобы спасти человечество от жестокости. Любовь Капрала – это любовь агапэ, альтруистическая любовь к человечеству во имя его спасения. Подобно тому, как Иешуа называет тех, кто его предал, добрыми людьми, так и Капрал не испытывает ненависти ни к тем, кто его пленил, ни к предателю Полчеку. Все его действия подчинены единой цели – своей любовью спасти людей.

Таким образом, можно утверждать, что внутренний текст в «Мастере и Маргарите», несмотря на его ирреальность, выступает как смыслообразующий, доминантный, несущий в себе ядерный, духовный потенциал. В «Притче» же внутренний текст выполняет комплементарную функцию, углубляя смысл, заложенный во внешнем тексте.

Обратимся теперь к коррелятам персонажей во внутренних и внешних текстах произведений, где соблюдается лотмановский принцип зеркальности. «Зеркалом» Капрала во внутреннем тексте является грум. Оба они обладают неординарной силой воздействия: Капрал – на людей, грум – на коня. И Капрал, и грум имеют способность мистически исчезать и появляться. Оба восстают

против существующего миропорядка, но, как замечает Пастор, «грум не является совершенным представителем человечества, каким является Капрал» [7: 218].

В «Мастере и Маргарите» искаженным «зеркалом» Иешуа выступает Мастер. Именно искаженным, потому что он «не дотягивает» ни до вселенской любви, ни до стойкости в стремлении идти до конца по избранному пути. Он ломается под прессом обстоятельств. «Я устал, я хочу в подвал», – произносит Мастер в разговоре с Воландом. Перефразируя слова Пастора применительно к булгаковскому роману, можно сказать, что Мастер не является совершенным представителем человечества, каким является Иешуа. В определенном смысле Мастер подобен фолкнеровскому груму, который после смерти коня удаляется от мира и, оплакивая свою потерю, становится мизантропом.

У булгаковского Пилата нет конкретной аналогии во внешнем нарративе. Однако после публикации отрывка из романа Мастера возмущенный критик призывает «ударить по пилатшине». Пилат превращается во множество «пилатов», мешающих обществу, скорее всего, в силу их способности сомневаться в чем-либо.

В «Притче» отражение Маршала, одной из ипостасей которого является Пилат, – это адвокат из внутреннего текста, который был нанят для защиты конокрадов. Подобно Маршалу, он не примитивное воплощение зла. Как Маршал разглагольствует о вере в человека и его триумфе, так и адвокату представляется, что Человек вливается в храм справедливости. «А почему бы нет?» – сам себя спрашивает адвокат. Представляется, что здесь имеет место «раздвоение», амбивалентность мышления Маршала и адвоката, в котором просматривается принцип двоемыслия, ставший реалией XX столетия, а также одной из художественных доминант антиутопической литературы. Проповедуя человечность, оба намерены уничтожить тех, кто является воплощением этой человечности. Пастор отмечает, что «адвокат, как и Маршал, постоянно рассматривают человека как абстракцию, человека в массе, а не конкретного индивидуума, занятого конкретным действием» [7: 202].

В плане «раздвоения» любопытную аналогию находим у Булгакова. Одиннадцатая глава романа называется «Раздвоение Ивана», в которой Иван Бездомный «мучается с двумя Берлиозами», пытается разобраться, что с ним случилось на Патриарших прудах. Затем его мысли путаются, смягчаются, ему начинает нравиться клиника Стравинского. Бездомный разговаривает сам с собой, у него внутри два Ивана – Иван новый и Иван старый (до клинического вмешательства), и

Иван новый ехидно спрашивает у Ивана старого: «Так кто же я такой выхожу в этом случае?» [2: 487].

Семантическое наполнение этих эпизодов различное, но, несмотря на это, сущность человека с его противоречивостью, неоднозначностью, сомнениями, невозможностью свести воедино слова и дела очерчена в них достаточно четко.

Как у Фолкнера, так и у Булгакова существует множество скреп, цементирующих внутреннее и внешнее повествования. Фолкнеровские скрепы подробно описаны Пастором [7]. Булгаковским скрепам посвящены работы таких известных ученых, как Е. Яблоков (1977), Б. Гаспаров (1993), Л. Уикс (1996), Н. Николина (2003) и других.

В обоих романах наличествуют сквозные образы-мотивы, несущие символическую нагрузку. У Фолкнера это мотив хлеба, образ-мотив птички, мотив медальона (в вариации медаль / медальон), образ открытого / закрытого окна, неоднократное упоминание о книге. У Булгакова таких образов-мотивов множество. Среди них – фалернское вино, мотивы розы, огня, элементы одежды, например, перчатки с растробом у Воланда и Маргариты, и многое другое. Все это создает объемное представление о мире, о зависимости и

взаимообусловленности происходящего. Важным художественным элементом во внутреннем и внешнем нарративах обоих произведений является образ толпы.

В заключение данного исследования сделаем следующие комментарии. Думается, что тема любви, являющаяся доминантой в романах Булгакова и Фолкнера, возникла в текстах знаковых писателей XX столетия не случайно. Она представляет собой своеобразный художественный ответ на экзистенциальное одиночество и трагизм прошлого века.

Следует отметить различные функции внутренних и внешних нарративов в «Мастере и Маргарите» и «Притче». У Булгакова внутренний нарратив является смыслообразующим, тогда как у Фолкнера – комплементарным. У Фолкнера же внешний текст несет в себе основной смысл, а булгаковский внешний текст является смысловым производным от внутреннего.

Типология модели «текст в тексте» в романах обоих писателей демонстрирует многогранность и сложность взаимоотношений между внутренними и внешними текстами, свидетельствуя тем самым о художественной продуктивности рассмотренного вида наррации.

Литература

1. Апресян Р. Слова любви: eros, philia, agape [Электронный ресурс] / Р. Апресян // *Философия и культура*. – 2012. – № 8 (56). – С. 27–40. – Режим доступа: http://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Slova_lyubvi.pdf
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков // *Булгаков М. Романы*. – М.: Современник, 1989. – С. 383–749.
3. Лотман Ю. М. Текст как семиотическая проблема. Прагматический аспект [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман // *Статьи по семиотике и топологии культуры*. – С. 153–160. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/15.php
4. Фолкнер У. Притча [Электронный ресурс] / У. Фолкнер. – Режим доступа: thelib.ru/books/folkner_uilyam/pritcha-read.html
5. Шмидт В. Нарратология [Электронный ресурс] / В. Шмидт. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shmid-narratology.pdf>
6. Jahn, M. *Narratology: A Guide to the Theory of Narrative* [Electronic source] / M. Jahn. – Access mode: <http://www.uni-koeln.de/~ame02/pppn.htm>
7. Pastore, Ph. Ed. *The Structure and Meaning of William Faulkner's A Fable*. A dissertation presented to the Graduate council of the University of Florida in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy [Electronic source] / Ph. Ed. Pastore. – University of Florida, 1969. – 285p. – Access mode: <http://ufdcimages.uflib.ufl.edu/UF/00/09/77/72/00001/structuremeaning00pastrich.pdf>
8. Weeks, L. "What I have written, I have written" / L. Weeks // *The Master and Margarita*. A Critical Companion. – Evanston, Ill.: NUP, 1996. – P. 3–87.